

УДК 821.161.1

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ФАНТАСТИКЕ В.П.
КРАПИВИНА: СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ****Ван Гоин,**

Аспирант

Кафедра русской литературы и методики ее преподавания

Казанский федеральный университет

Казань, Россия

18249243037@163.com

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности заключения и исполнения коммерческих договоров в рамках двух разных правовых систем – общего или англосаксонского и континентального права. Автором производится анализ подходов к заключению сделок, интерпретации договорных обязательств, роли судебных прецедентов и кодифицированных актов. В рамках настоящей статьи также выявляются сильные стороны каждой правовой системы и предлагаются рекомендации по совершенствованию договорного процесса в международной коммерческой практики. В данной статье рассматривается специфика художественного пространства в фантастических циклах В.П. Крапивина. Теоретической основой исследования служат концепции фантастического, разработанные Ц. Тодоровым, а также понятие хронотопа, введённое М.М. Бахтиным. Художественное пространство анализируется как ключевой структурный элемент художественного мира, определяющий логику повествования, систему ценностей и особенности изображения героя. Особое внимание уделяется циклам «В глубине Великого Кристалла» и «Сказки и были Безлюдных пространств», где формируется многомерная модель мироздания, основанная на взаимодействии различных уровней реальности. Выявляется динамический и трансформируемый характер пространственной организации, её связь с внутренним состоянием персонажей и нравственной проблематикой произведений. Делается вывод о том, что художественное пространство в фантастике В.П. Крапивина выполняет миромоделирующую, композиционную и этикопознавательную функции, становясь самостоятельным носителем смысла и важнейшим средством выражения авторской концепции мира и человека.

Ключевые слова: фантастика; художественное пространство; хронотоп; неомифологизм; цикличность; нравственная проблематика; Владислав Крапивин.

**ARTISTIC SPACE IN THE FANTASTIC FICTION OF V.P. KRAPIVIN:
STRUCTURE AND FUNCTIONS****Wang Guoying,**

Postgraduate Student

Department of Russian Literature and Teaching Methods

Kazan Federal University
Kazan, Russia
18249243037@163.com

ABSTRACT

This article examines the specific features of artistic space in the fantastic cycles of V.P. Krapivin. The theoretical framework of the study is based on the concept of the fantastic developed by T. Todorov, as well as on the notion of the chronotope introduced by M.M. Bakhtin. Artistic space is analyzed as a key structural element of the fictional world that determines the logic of narration, the system of values, and the representation of the protagonist. Particular attention is paid to the cycles "In the Depths of the Great Crystal" and "Tales and True Stories of the Uninhabited Spaces," in which a multidimensional model of the universe is formed through the interaction of different levels of reality. The study reveals the dynamic and transformable nature of spatial organization and its connection with the characters' inner states and moral issues. It is concluded that artistic space in V.P. Krapivin's fantastic fiction performs world-modeling, compositional, and ethical-cognitive functions, becoming an autonomous bearer of meaning and a central means of expressing the author's vision of the world and the human being.

Keywords: fantastic fiction; artistic space; chronotope; neomythologism; cyclic structure; moral issues; Vladislav Krapivin.

Фантастическое как категория художественной литературы традиционно связывается с текстами, которые вводят в повествование элементы, противоречащие привычным законам природы и обычному человеческому опыту. Одно из классических определений принадлежит Ц. Тодорову, согласно его трактовке: «фантастическое – это колебание между объяснением явления природными законами и принятием сверхъестественного, переживаемое читателем и героем» [4, с. 25]. Это определение подчёркивает не сам факт «необычного», а сомнение и неопределённость, возникающие в восприятии текста.

В литературоведении жанр фантастики не сводится к простому наличию «выдуманного» или «нереального»: наличие необычных элементов в тексте не всегда делает произведение фантастическим. Фантастика рассматривается как способ художественного моделирования действительности, где специфические компоненты сюжета, образы и ситуации соотносятся с реальностью, но сопровождаются неопределёнными, противоречивыми интонациями сверхъестественного либо смещёнными логическими правилами [3].

Понятие «художественное пространство» является базовым понятием литературоведения и эстетики. В литературных словарях оно определяется как пространство произведения искусства – совокупность характеристик, которые придают ему внутреннее единство, завершённость и эстетический характер [5]. Такое пространство отличается от реальных пространственных категорий, оно создаётся словами, образом, сюжетом и символикой произведения и обеспечивает целостность художественного восприятия.

Исходя из определения художественное пространство можно обозначить не просто как географию событий, а как интегральную характеристику художественного мира, объединяющую содержание, форму, композицию и образное пространство текста.

Основополагающую роль в осмыслении художественного пространства играет понятие хронотоп, введённое М.М. Бахтиным. Данный термин буквально означает «время-пространство» и описывает искусственно созданную в тексте взаимосвязь пространственных и временных отношений, которые становятся основой для построения смысла произведения [2]. Время и пространство сливаются и становятся живыми элементами художественного мира, способными влиять на развитие сюжета, характер героя и жанровую организацию произведения.

В творчестве В.П. Крапивина фантастическое пространство структурно организовано в циклы, внутри которых формируется целостный художественный мир с собственной логикой, законами и смысловыми доминантами. Можно выделить два крупнейших цикла фантастических произведений писателя:

цикл «В глубине Великого Кристалла», объединяющий ряд фантастических повестей, сценически связанных через мир Великого Кристалла, его внутренние законы и повторяющихся героев;

цикл «Сказки и были Безлюдных пространств», где фантастические миры представлены как особая форма «пространств-пустынь», отличных от привычной реальности.

Подобный принцип деления фантастики В.П. Крапивина на циклы отражает пространственно-топологическую основу художественного мира: произведения объединены не только героями или темами, но и пространством действия, а также пространственными закономерностями внутри них.

Цикл «В глубине Великого Кристалла» представляет собой один из наиболее значительных примеров сложной пространственно-временной организации художественного мира писателя. Данный цикл объединяет ряд повестей, связанных общей метафизической моделью мироздания – системой Великого Кристалла. Великий Кристалл – это своеобразная метавселенная, каждая грань которой представляет отдельный параллельный мир со своей историей, географией, системой ценностей и спецификой течения времени. Таким образом, пространство цикла строится по принципу множественности миров, сосуществующих в едином сверхпространстве, но обладающих внутренней автономией.

Героями произведений преимущественно являются дети и подростки, наделённые особыми способностями к восприятию иных измерений и переходу между ними. Их способность пересекать границы миров не сводится к фантастическому допущению, а выполняет структурную и смыслообразующую функцию. Перемещение персонажей в пространстве Великого Кристалла сопровождается изменением привычных координат времени и пространства, что позволяет автору моделировать многомерную художественную систему, в которой линейные законы реальности утрачивают абсолютный характер. Пространственная организация цикла, таким образом, становится не только средством миростроения, но и метафорой многообразия человеческого опыта, духовного становления и нравственного выбора.

В пространственно-временной структуре цикла отчётливо проявляются элементы неомифологического моделирования мира. В пределах земной реальности время, как правило, сохраняет линейный, однонаправленный характер. Однако в результате наложения различных пространственных уровней и пересечения граней Кристалла линейное течение времени нарушается: оно способно замедляться, раздваиваться, течь вспять или формировать параллельные временные линии как это показано, например, в повести «Кораблики». Вне привычной реальности, в глубинах Великого Кристалла – земной отсчёт времени практически утрачивает значение, как в повестях «Голубятня на жёлтой поляне», «Крик петуха», «Выстрел с монитора». На основании этого формируется

особый хронотоп, в котором время приобретает качественно иные характеристики и соотносится прежде всего с внутренним состоянием героя.

Аналогичные процессы наблюдаются и в пространственной организации цикла. В пределах обыденного мира доминирует трёхмерная модель пространства, иногда дополняемая условным «четвёртым измерением», позволяющим проникать в иные зоны бытия, например, в повестях «Самолёт по имени Серёжка», «Взрыв Генерального штаба», «Топот шахматных лошадок». Однако в системе Великого Кристалла пространство предстает как многомерное, текучее и изменчивое. Оно способно трансформироваться, соединять удаленные точки, разрушать привычные границы между «здесь» и «там». Таким образом, пространство в цикле приобретает динамический характер и становится активным участником художественного действия.

Особенно наглядно роль пространственных трансформаций раскрывается в повести «Застава на Якорном поле». Главный герой — Матвей Юлиус Радомир по прозвищу Ёжики — существует в условиях мегаполиса, который на первый взгляд лишён явных фантастических признаков. Однако именно пространственные аномалии, скрытые в повседневной городской среде, оказываются ключом к раскрытию внутреннего конфликта персонажа. Существенную роль играет мотив метрополитена как особого хронотопического пространства: маршрут, повторяющиеся станции, звучащий в динамиках записанный голос матери формируют сложную систему пространственно-временных ассоциаций. Появление новой станции — «Якорное поле», объявляемой тем же голосом, выходит за рамки простого сюжетного эпизода и становится символом психологического состояния героя. Пространство здесь непосредственно связано с темой памяти, утраты и преодоления личной трагедии; оно не только отражает внутренний мир персонажа, но и активно воздействует на него, направляя его переживания и поступки.

В цикле «Сказки и были Безлюдных пространств» в первой повести «Дырчатая Луна» закладываются концептуальные основы понимания феномена Безлюдных пространств. Обозначается принципиально важное для всего цикла положение: доступ к данным пространствам возможен лишь для того, кто внутренне свободен от зла и агрессии. Таким образом, определение «безлюдные» носит не количественный, а качественный характер: оно обозначает отсутствие враждебности и нравственной жестокости, а не отсутствие людей как таковых. Пространство оказывается этически маркированным и изначально связано с внутренним состоянием героя.

Центральный персонаж повести — Лесь Носов обнаруживает у моря, в развалинах античного города, особую точку пространства, выполняющую функцию перехода в иное измерение. Именно через это локальное, внешне вполне реальное место осуществляется выход за пределы привычной реальности. В новом измерении изменяются базовые характеристики бытия: время утрачивает линейность и может восприниматься как остановившееся, а пространство перестаёт подчиняться привычным координатам и начинает ощущаться иначе, как текучее, расширенное, психологически насыщенное. Тем самым локальный топос превращается в пороговую зону, соединяющую различные уровни бытия.

В повести «Лето кончится не скоро» художественное пространство организовано через образ бугристых пустырей с лиловыми свечами, где нарушается привычная логика времени и расстояния. В подобных топосах стираются границы между объективной реальностью и внутренним состоянием персонажа: внешний ландшафт становится проекцией психологического опыта, а переживания героя, в свою очередь, обретают пространственное воплощение.

Как отмечает литературовед Ю. Аникина, психологический конфликт персонажей В.П. Крапивина заключается прежде всего в их неспособности принять жестокость и

агрессивность окружающего мира, именно это формирует особую границу между сном и явью [1]. Эта граница не является устойчивой: она функционирует как подвижный порог, пересечение которого возможно благодаря внутреннему нравственному импульсу героя. В результате субъективный опыт мечты, фантазии, сновидения получает пространственно-реальное выражение в структуре повествования. Они перестают быть исключительно внутренним актом сознания и становятся элементами художественной реальности.

Художественное пространство в фантастике В.П. Крапивина выступает как деятельный принцип художественной организации: оно задаёт условия возможного, формирует отношения между элементами текста и выступает источником смысловых напряжений. Оно одновременно выполняет познавательную и нравственную функции через пространственные ситуации: проверяется мировоззрение персонажа и раскрывается авторская этика. Пространство служит приёмом эстетической интеграции: с его помощью выстраивается композиция, усиливается образность и создаётся единый тон истории. Наконец, оно превращает повествование в поле опыта — провоцирует читательское осмысление, ставит вопросы о границах реального и внутреннего и тем самым расширяет диапазон художественного воздействия. В результате пространственная организация фантастики оказывается не вспомогательной деталью, а методологией, через которую реализуются ключевые художественные и идейные задачи автора.

Список литературы:

1. Аникина Ю.А. Специфика конфликта в художественном мире В.П. Крапивина / Дисс. канд. фил. наук. Специальность 10.01.01. — русская литература. — Волгоград, 2014. — 166 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
3. Мзареулов К.Д. Фантастика. Общий курс. — Севастополь: Шико-Севастополь, 2018. — 392 с.
4. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. Перев. с франц. Б. Нарумова. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. — 144 с.
5. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.

References:

1. Anikina Yu.A. The Specifics of Conflict in the Artistic World of V.P. Krapivin / Diss. ... Candidate of Philological Sciences. Specialty 10.01.01 — Russian Literature. — Volgograd, 2014. — 166 p.
2. Bakhtin M.M. Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics // Bakhtin M. M. Questions of Literature and Aesthetics. Moscow: Khudozh. lit., 1975. pp. 234–407.
3. Mzareulov K.D. Science Fiction. A General Course. — Sevastopol: Shiko-Sevastopol, 2018. — 392 p.
4. Todorov Ts. Introduction to Fantastic Literature. Transl. from French by B. Narumov. — Moscow: Dom intellektualnoy knigi, 1999. — 144 p.
1. Philosophy: Encyclopedic Dictionary / Ed. by A.A. Ivin. — Moscow: Gardariki, 2004. — 1072 p.